

сказал, что с точки зрения перевода всё правильно. Открыл Оксфордский словарь, и вот что там написано: flip-flop-type of open sandal with a strap that goes between the big toe and the next toe. То есть это тип открытых сандалий, и другого значения в моей версии Оксфордского словаря нет. Значит, Нина была права. Мы долго смеялись, поскольку в техническом переводе это всё же триггер.

Первый раз в Кассель (Германия) ехал в 1993 году на поезде с пересадкой в Польше. Взял большую сумку и набил её для того, чтобы пережить хотя бы начало «голодного периода». После Швеции хорошо представлялись немецкие цены. В Польше надо было пересаживаться на другой поезд. Навстречу бежит парень и задаёт вопрос: «Ктура година?». Пока я замешкался, он начал объяснять таксы, назначенные «братвой» за посещение Польши. Вопрос был задан, чтобы отличить меня от поляка. Получив твёрдый отказ, он доступно пояснил мне, что я с этого вокзала не выеду. У меня были польские документы, что работаю профессором в Белостоке, и я пошёл с ними в полицию. Там со мной даже разговаривать не стали. Разбирайся, мол, сам, мы-то при чём? Вернулся на вокзал и несколько часов ожидал своего поезда. Может быть, увидели, что я обращаюсь в полицию, а может быть, просто надоело. Никто ко мне больше не подходил, и я спокойно доехал до Германии. Много было и других случаев, но про всё не напишешь.

В Белостоке жили в общежитии института/университета очень весело. Стемнеет, выходишь на кухню, включаешь свет, и она оживает. Тараканы бежали со всех сторон. По числу тараканов, которых пришлось увидеть в своей жизни, эта кухня, бесспорно, на первом месте. На кафедре работали хорошие люди. Установились неплохие взаимоотношения с польскими студентами. Занятия вели на русском языке. Польский пытались учить, но получалось со скрипом, хотя многие слова помнятся и сейчас. Особенно подружились с преподавателем, которого звали Валентин Онищук. Он заканчивал Московский институт и свободно говорил по-русски. Как-то в Белосток приехала делегация из Португалии, и Валентину предложили поработать в португальском университете города Кувиля (Ковильян). Мы переписывались. Он периодически рассказывал о прелестях португальской жизни. Очень рекомендовал найти там работу. С него и начался мой последующий путь в Португалию.

Приведу ещё один интересный случай. Как-то поляки из Белостока приехали к нам в БГУИР во главе с профессором Столярским. Ректор поручил нашим комсомольцам разместить польских друзей. Столярский ехал с шофёром, и по указанию комсомольских вождей мы направили этого шофёра к месту проживания в специальном корпусе студенческого общежития повышенной комфортности. Почти сразу из комнаты раздался стон. Захожу в туман и с трудом сохраняю вертикальное положение от накуреного. В центре стоит стул, на котором сидит, видимо, самый главный. Вокруг – бутылки водки и шофёр Столярского с ужасом на лице. Нахожу комсомольского вожака и вопрошаю: «Вы что, совсем оборзели?». Тот отвечает: «Счас, каждого шоферюгу будем в пятизвёздочном отеле размещать». Переубедить тех, кому был так нужен искусственный интеллект я не стал. К счастью, ректор быстро решил возникшие проблемы. Может быть, это мелочи, но в те времена между Западом и нами существовала настоящая пропасть.

*Человека делают счастливым три вещи: любовь,
интересная работа и возможность путешествовать.
Иван Бунин, русский писатель*

2.4. Откуда мы начинали

В свой первый самостоятельный поход я пошёл в первом классе в Ульяновске. Потом много путешествовал с родителями. Из Минска начались регулярные поездки в удалённые места бывшего СССР. Чаще всего посещал Северный и Приполярный Урал. Во время поездки 1981 года познакомился с Лёшей и Людой Шевелёвыми из посёлка Саранпауль. Туда, в азиатскую часть Северного Урала, мы регулярно приезжали в 1980-х годах. Познакомились совершенно случайно. Я поднимался пешком вверх по реке Турупья и встретил Лёшу. Потом часто ловили рыбу, в основном хариуса и тайменя, которые попадались в больших количествах. Людей там не было, и любая такая встреча запоминалась. Лёша с семьёй приезжал к нам в Минск. Вместе ездили на север Кольского полуострова. В 1982 году поехали в Саранпауль с женой (Таней) и с Олексиными (Степан и Наташа). Останавливались в месте (примерно 80 км от Саранпауля), где Турупья впадает в Ятрию и протекает (перед впадением) через Турупьянское озеро. Туда к нам приезжал Лёша на моторке, и мы с ним плавали в верховье реки Туяхланья. Тогда по берегам этой реки была

глушь. Вокруг ни следа. Успешно ловили рыбу. Ночевали на земле около костра. Потом вернулись на озеро, и запомнились, как всегда, мелочи. Возвращаемся к нашей компании из трёх человек. В то время Степан только начинал приобщаться к рыбалке. Подплываем, слышим: др-р-р-р-р. Это Степан на трещотке спиннинг забрасывает. Даже таким способом он вытягивал из озера щук. В те времена, ближе к селениям, часто можно было встретить местных жителей, которые ловили рыбу. Спрашиваешь их: «Рыба есть?» Часто отвечали: «Рыба нет, щука есть». Позже узнал от Степана, что Наташа умерла. Ниже на карте показана область Урала, которая часто посещалась нами в 1980-х годах.

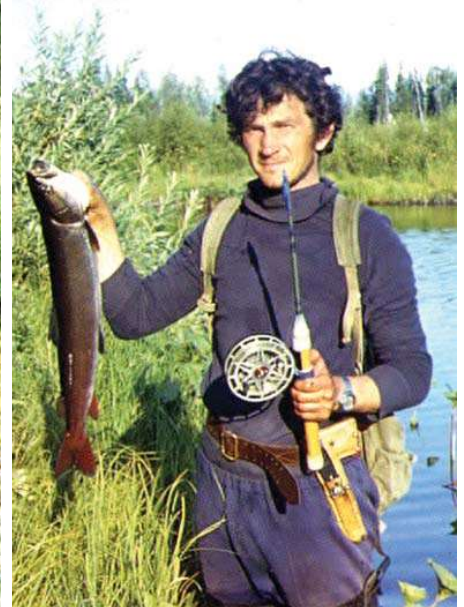

Вспоминаются рассказы проживающих там людей о встречах с медведями. Нам не повезло или, наоборот, повезло. Когда стояли группой, то только по утрам обнаруживали следы рядом с палатками. Самих медведей не видели. Я видел на Урале медведя близко всего один раз, когда ловил рыбу на Турупье. Лёша рассказывал, как медведь побежал за его собакой. Тогда они долго сидели на чердаке таёжного домика. Вот ещё один рассказ. Местный житель ловил рыбу и положил ружьё в нескольких метрах от себя. Повернулся, а между ним и ружьём медведь стоит на задних лапах. Посмотрели друг на друга, и медведь мирно ушёл. Рассказывали, как хранили продукты в тайге и всегда ходили за ними с ружьём. Медведей не видели. Один раз пошли без ружья, и появился медведь. Забрался на склад, нашёл сгущёнку. Клал банку на одну лапу и другой разбивал её. Этим делом он занимался, пока не наелся. Потом ушёл. В последующие годы много людей с нашей кафедры побывали здесь. Свозил сюда трёх сестёр в 1986 году. Это как раз та поездка, когда их отец (Мурашкин Иван Карпович) сказал, что я хочу троих кончить.

В 1981 году на участках железнодорожного пути до станции Лабытнанги (недалеко от Салехарда) можно было увидеть двойные ряды колючей проволоки. Там когда-то водили заключённых, а между первым и вторым рядом бегали собаки. В этом районе мы плыли по реке Сось в 1981 году, и огромные комары лезли со всех сторон. Представляю, какие сложности претерпевали заключённые. В районе города Ивделя видели сохранившиеся могилы и слова жалости, написанные на них. В интернете можно прочитать, что в лагерях отбывали наказание уголовники и отбросы общества. Документы и надписи в соответствующих местах говорят о другом. Примеры таких надписей можно найти на литовском кладбище недалеко от Воркуты и около паровоза на Полярном круге в районе Салехарда (см. подсецию 4.7.1). За этот этап нашей истории должно быть стыдно. Держава была действительно великая. А как можно назвать то, что творилось в этой державе? В 2019 году посетили Салехард и Воркуту. Следы старого почти исчезли. Салехард стал образцовым городом.

На первом снимке ниже Степан, Наташа (его жена) и Таня в Москве по дороге на Урал в 1982 году. На втором и третьем снимках мы с Таней на Урале. У меня в руках маленький таймень. Можно увидеть и спиннинг. Тогда технологии рыбной ловли были ещё непродвинутыми. Степан постоянно шутил надо мной

и, в частности, на обороте первой фотографии (ниже) написаны разные пожелания. Например, при фотографировании мне было рекомендовано не показывать руками размер пойманного тайменя, так как могут получиться нечёткие кадры. А вот ещё, почти дословно: «Если хочешь сфотографироваться с тайменем, которого якобы поймал в прошлом году, то возьми кильку (10-15 см), подвесь на нитке. Сам, обвешавшись ножами и ружьями, встань в 6-8 метрах за килькой... », ну и т.п.

Три снимка ниже сделаны в 1982 году. На первом из них мы с Лёшей Шевелёвым. На втором – Таня, Степан и Наташа около так называемой «фермы», примерно в 50 км от Саранпауля на реке Ятрия. На третьем снимке Таня с собакой, которая привязалась к нам сразу после Саранпауля. Где мы только не побывали до 2020 года, но часто вспоминаем ту дикую природу и необыкновенную уральскую красоту.

Лёша работал на буровых установках и хорошо знал уральскую тайгу. От него я учился, но освоил, наверное, немного. Рыба и раньше ловилась. В стрельбе я постоянно проигрывал. Быстро привык к тому, что можно идти по лесу, и за деревьями появится лось. Возможно, чему-то всё же научился, так как впоследствии реализовал идеи перехода Урала без троп и направлений: сначала из Азии в Европу (1985 год) и потом – из Европы в Азию (начало 1990-х годов), что показано на карте выше. По пути практически не было людей, нужно было привыкать к трудностям и добывать пропитание своими силами. Когда встречали людей, то почти всегда они были готовы оказать необходимую помощь. Время было очень интересным, и кто знает, насколько долго ещё сохранятся те дикие места. В начале 1990-х съездил в эти районы последний раз.

Три страны. Две жизни

В Саранпауле мы останавливались у Лёши с Людой и в доме родителей Лёшиного друга Васи Артеева (он на шесть лет моложе меня). Когда были в России в 2019 году, я часто звонил Лёше в Саранпауль и один раз звонил Васе. Узнал, что они уже давно на пенсии и работы в посёлке нет. В семье родителей Васи пять братьев и одна сестра. Отца звали Иван Яковлевич. Он умер в 1997 году в возрасте 70 лет. Мать, Дарья Васильевна, умерла в 2005 году в возрасте около 80 лет. Ферма в 50 км от Саранпауля, где мы останавливались на Ятрии, сейчас в упадке и сильно разрушена.

Ниже приводятся некоторые фотографии 1982-1987 годов. На первом снимке (1986 год) – рядом со мной три сестры – Таня (жена), Вика и Галя (сёстры Тани). На втором снимке этого же года – мы улетаем из Саранпауля. Сзади – Толя (муж Гали). Рядом с Таней – Лёша, а слева – Яков (брат Васи). На самолётах такого типа (АН-2) налетались много. Скорость была где-то 150 км в час. Народ местный. Под крыльями тайга без конца и края. В те времена Яков работал на небольшом судне. Когда мы приехали в 1985 году, он загрузил нас на судно и вплыл сначала в реку Щекурья и потом в Ятрию. Насколько мне известно, больше никто на подобном судне туда не вплывал (по крайней мере, до 1985 года). В Саранпауле знал многих других людей и плавал с ними по рекам, но имена уже не помню. В 1980-х годах приезжал в эти районы больше десяти раз.

Три снимка ниже тоже с Урала. Первый (1987 год) – сделан примерно в 150 км от Саранпауля вверх по реке Хулга. Это только что пойманный таймень. Второй снимок сделан в 1985 году. Тогда мы переходили Урал с востока на запад. Местные дали мне лодку, и я поднимался вверх по реке Туяхланья. Это там, где в 1982 году мы были с Лёшей. Всего через три года (с 1982 года) в верховьях реки уже установили буровые вышки, и те места совсем скоро не будут дикими. На третьем снимке Вася Артеев.

Ниже написано про некоторые интересные случаи. Вернёмся к поездке 1982 года. Приехали в Ивдель и, как всегда, начали искать попутный самолёт в Саранпауль. Летали туда, примерно 3 часа в одну сторону, только «кукурузники» (АН-2). Пассажиров было до 12 человек. С большим трудом удалось договориться на пере-

возку двоих. Ими стали Степан с женой Наташей. Под шумок засунул в самолёт Таню с небольшим рюкзаком килограммов на 50. Заходит пилот, берёт Таню за шкуру и выводит её из самолёта. Я к лётчику – мол, ты что? Он мне спокойно отвечает, что ещё жить хочет. Как тот самолёт взлетал, надо было видеть. Он чуть не задел кромку леса. Понял, что был неправ. Наши приключения на этом не закончились. Другой самолёт нашли, но нас взяли только до посёлка Няксимволь (на полпути). Там высадили и пообещали залететь завтра. На выходе из самолёта поджидала собака и смотрела прямо в глаза. Сразу побежала к Тане, но на самом деле не к Тане, а к пачке с кукурузными палочками, которую Таня несла в сетке. Пачка была моментально пробита, и собачья пасть оказалась внутри. Теперь эта пасть только жевала. Я схватил палку и начал лупить собаку, но она не обращала на меня никакого внимания. Параллельно подскочили другие собаки и принялись за сыр в той же сетке. Как ни размахивал своей палкой, так ничего и не вышло. У нас сожрали всё. Осталась только водка, но и её мы скоро пристроим. Ночевать негде. Зашли в какой-то дом и попросились. На кровати лежал мужик с голым торсом и держал в руках ребёнка. Ребёнок занимался делом и выкладывал мужику на грудь всё то, что он недавно съел. Нам предложили одноместный номер, каковым являлся курятник на втором этаже, то есть туда надо было по деревянной лестнице забираться. Ещё мужик сказал, что плохо ему и надо бы поправить здоровье, а магазин уже закрыт. Дал ему оставшуюся после атаки собак бутылку водки. Он пообещал вернуть на следующий день. Забрались на настил. Рядом валялись заячьи шкуры. Вокруг – куриный помёт. Таня была в шоке. Она начала плакать и приговаривать примерно следующее: «Никто за нами не прилетит. Теперь мы останемся здесь навсегда и будем жить в этом курятнике. Я не выживу». Собаки позаботились, и мы начали выдерживать все правила, то есть «завтрак съешь сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу». Утром просыпаемся и бегом туда, где самолёты приземляются, то есть в поле рядом. К большому удивлению, самолёт прилетел, и нас позвали на посадку. К ещё большему удивлению, увидели бегущего мужика с бутылкой «Плиски» (болгарский коньяк) в руках. Извинился, сказал, что в магазине водки не было и спросил: «Может быть, вам «Плиска» подойдёт?». Так что мы прилетели в Няксимволь с водкой, а улетели в Саранпауль с «Плиской». Постепенно стали «своими» и получили даже документы для бесплатного перелёта. Процедура упростилась.

В 1986 году с нами ездил Володя Синёв из Самары. Тогда он только защитил кандидатскую диссертацию под руководством Самария Баранова. Перед отъездом назад поймал пару тайменей и очень хотел привезти их домой. Аккуратно положил улов на песок и прикрыл лодкой. Утром стало понятно, что собаки едят не только сыр и кукурузные палочки. От тайменей даже хребта не осталось. Наши сёстры (Таня, Вика и Галя) сказали: «Вот так, от нас тайменей спрятали, а от собак никуда не денешься. Они тебя и наказали». Один раз мы с Таней собирали чернику и голубику в тайге. Одна собачка бегала перед нами, слизывала все ягоды и была явно быстрее нас.

Обычно ехали из Свердловска (сегодняшний Екатеринбург) в один из трёх городов – Ивдель (чаще всего), Карпинск и Серов. В Серове – металлургические предприятия, и дышать трудно. Таня спрашивала: «Как там люди живут?». Как-то зашли в один из продовольственных магазинов, где на полках ничего не было и висело объявление: «Молоко продаётся детям до семи лет, которые не ходят в садик». Многие за были про то время, но такую табличку в магазине мы видели своими глазами.

Напишу про Саранпауль, который являлся оригинальным местом. Продукты туда завозили в основном по реке Ляпин. Приплывёт баржа, продукты выгрузят и поместят в длинное складское помещение. Разгружали в обратном порядке по принципу «стековой памяти»: «последний пришёл – первый вышел». Дошли до конфет, и все магазины в Саранпауле продавали конфеты. Дошли до тушёнки, значит, будет тушёнка. Урал – нескончаемая тема. Это наша молодость! В 1991 году совершили длинный переход от посёлка Верхняя Инта до горы Хайма (пешком через тайгу и болота порядка 100 км), потом через Уральские горы и далее на деревянном плоту, который соорудили из брёвен, плыли с верховьев Хулги до Саранпауля. Нас было четверо: Витя Лосич, Валера Радишевский, Игорь Мурашко и я. Первые двое – тогда были моими аспирантами. Сегодня они кандидаты наук. Игорь стал доктором наук. Помню, как дошли до ручейка – одного из истоков реки Хулга. Витя перегородил его ногой и сказал: «Вот захочу, и не будет Хулги». На каждой стоянке начинали распределять обязанности. Один – за дровами, другой – палатку ставит и т.п. Витя всегда вызывался собирать грибы на ужин. Находил полянку, кидал в центр фуфайку, сгребал рядом растущие грибы, а потом покурился и посмеивался.

В 1983 году прошли и проплыли от озера Байкал до реки Лена вчетвером: Валера Соловьёв (мой первый аспирант; сегодняшний доктор наук), Володя Синёв (кандидат наук, бывший аспирант Самария Баранова) и Коля Усовик. В 1984 году сплавлялись в Саянах. Много раз были в Карелии и на Кольском полуострове. Про всё не напишешь, и ограничусь несколькими фотографиями. На первой из них мы с Ва-

лерой Соловьёвым плывём через пороги по реке Чая в Забайкалье. На втором снимке – улов на реке Чая (рыба называется ленок). Третий снимок сделан в забайкальской тайге.

Рядом со мной (третий снимок) – Валера Соловьёв и Володя Синёв. Сначала добирались до Иркутска, потом по Ангаре до пристани «порт Байкал», далее на метеоре до Нижнеангарска. Откуда предстоял длинный пеший переход (70 км), до начала которого доехали на местной грузовой машине. Потом долго шли, остановились на ночёвку и утром услышали шум вездехода, в котором находился только шофёр. Узнаём, что он едет в верховья реки Чая, то есть туда, куда нужно (в то время в верховьях располагалась база геологов). Начинаем напрашиваться в пассажиры. Ответ был таким: «Везти буду до тех пор, пока вы мне будете наливать» (конечно, водку). Что оставалось делать? Морально подготовились, так как поняли, что нам ничего не останется. Один из нас ехал в кабине и трое – в кузове. Периодически менялись. Водила наггел всё больше. Мы с горечью опустошали и без того скудные запасы. Результата долго ждать не пришлось. В кузов, почти на голову, начинают падать небольшие сосны. Вездеход периодически проваливался глубоко в болото. На пути лежал булыжник внушительных размеров. Стой! – кричим. Водила даже не тормозит. Снизу что-то загрохотало и потекло. На этом наша поездка закончилась. Весь оставшийся путь (5-7 км) шофёр-алкоголик нёс самый тяжёлый рюкзак. Когда начинал поднимать, то этот рюкзак предлагалось догрузить. Пообещали также при возникновении проблем выбить из него всю нашу водку, которая безусловно была необходима для медицинских целей. Так и дошли. С верховьев Чаи плыли на надувном плоту до реки Лена.

В августе 2019 года решили побывать рядом с теми местами, где когда-то провели много времени. Ехали на поезде вдоль Северного, Приполярного и Полярного Урала. Проехали станцию Печора (европейская часть), откуда уезжали после перехода из Азии в 1985 году, и станцию Верхняя Инта, откуда в 1991 году переходили Урал из Европы в Азию. Очень удивил Салехард. Я был там в 1981 году. Сегодня – это совсем другой город, который стал современным и красивым. Ниже приводятся три последние фотографии. Первая – сделана в Белоруссии в 1978 году. Эта щука подстрелена из подводного ружья на озере Мядель. Рядом – Юля, и она с детства начинала осваивать рыбную ловлю. На втором снимке – мой первый таймень, пойманный в 1981 году на реке Турупья, сразу после Турупинского озера. Третий снимок сделан во время перехода из Европы в Азию в 1991 году. В руках то, чем мы питались (рыба и дичь), а рядом – плот из брёвен, на котором сплавливались от начала реки Хулга в Саранпауль.

